

Хоспис

Вы все умираете. Чем вас спасу?
Сельдей в бедной бочке – палата набита.
Стеклянная дверь тяжела и открыта.
И шприц – на весу.

Вот в легкие ветер стерильно втекает.
Разбили окно!

Кой-кому полегчает.

Усердно – уколы, укоры, ухваты,
Больные распяты
На позднем, полночном, алмазном снегу.
Я зреть не могу
Вас всех. Это боли последний приют.
Не вылечат? Пусть. Хотя б не убьют.

Вхожу. Обвожу не глазами, а сердцем
Вас всех. Мне от вас уже некуда деться.
Вон тот – царевал, гулевал, пировал.
То красный, то черный накатывал вал.
Пред зеркалом зло наизусть повторял,
Парадный мундир, хохоча, примерял.
Войну развязать – не шитво распороть!
Он плачет, отрезанный, жалкий ломоть,
В белеющей койке,
во тьме.

Молитву он шепчет – проклятье в уме.

Вон та, ее жальче, ах, Господи, всех –
Подружку ограбила ради утех:

Хоть горсточку, крошечку, капельку... ну!..
Себе!.. да и мне!.. я над койкой нагну
Гордыню, хребет, несогбенную шею:
Еще поживи... я стащить не сумею –
О, дура я, дура!.. прости мне, Господь! –
Тебе – лик в разводах рыдального клея –
С больничной столовки – ржаного ломоть...

Все грешники, все, кто лежит на кроватях
В безумной, бесснежной, бесслезной палате, –
Патлатые, лысые, неуловимо
Текущие нежными лицами мимо,
Горящие лбами, зрачками слепы –
Ввиду нашей общей, известной судьбы, –
Все – каждый! – зовут напоследок живое,
Чтоб – не одному уходить, чтобы – двое,
Обняться так крепко, да что там Сиам,
Я смерти, да, смерти тебя не отдам, –
И рты жизнь-любовь ошалело зовут
На пять потрясенных, последних минут...

Я всех вас люблю! Да, вы все – мои дети.
Пригрудить. Слезами облить. Обласкать.
Я мать. Я всего лишь несчастная мать.
Не руки свисают вдоль тела, а плети.
И только глаза... они вихрем идут
В накат, разбивают мензурки, пипетки,
Ломают стекляшки, решетки и клетки,
Взрывают под кожей блаженный салют!
Впускают в палату крик, ярость и вой!
И Бога выпускают! Он смертнику в уши
Кричит: «ТЫ ЖИВОЙ!» –
И так обнимает усталую душу,
Как будто расстрелян проклятый конвой,
И стяг окровавленный – над головой.

О дети мои. Вы моя чудо-рать.
Повоевали. Закончилась битва.
Я, мать, прошепчу вам простую молитву:
НАМ ВСЕМ УМИРАТЬ.

И в чистой палате, сияющей, белой,
Мы, грешники, все перед Богом равны –
Все души, летящие в небо из тела,
Все луны всех лиц, от любви онемелых,
Герои, бандиты, старухи, пострелы,
Солдаты грядущей огромной войны.

Народ, ты уходишь?.. Прощай. И прости.
Дожди по лицу. Кто стоит за спиною?
Он в белом халате. Он рядом со мною.
Мне руку сжимает в горячей горсти.

Кудлатый костер. Обжигающий дым.
Всем Царство Небесное. Воля полета.
Младенцы родились?.. мать! много заботы.
Живое – живым.

И врач – или враг – или вор – не уйти! –
Мне руку ледащую жмет до кости,
А слез не унять! И соленая влага
Весь мир залила, и судьбу, и отвагу, –
А я все шепчу: о, последний бедняга,
Бродяга,
Да, ты, бедолага, –
прости мне... прости...

Миръ

Огнем и мечом.

Тит Ливий

Мой выжженный дьявольски Рим.
Сдери золотую коросту –
Все тысячелетья горим:
Так страшно и просто.
Летит изумленно снаряд.
Рвет воздух чудовище-мина.
Дома исступленно горят.
Смерть, мимо!
Дымящийся адом Донбасс.
Изрезан огнем, весь изранен,
Один – перед нами – из нас –
Ефрем Сириянин.
Искуplen, откуплен Дамаск.
Средь пепла исходит Пальмира
Оставленной музыкой ласк,
Отъятых у мира.
Грохочет обвалом оркестр.
Меж диких боев – замирение.
А в амфитеатре нет мест!
Нет слуха и зренья!
О снайпер, прицел оботри!
Слеза или дождь по стекляшке
Ползет?!

Что у мира внутри –
Гляди! это страшно.
Что там, под рубахой в грязи,
Под тельником потным?
...кулак, ты грози не грози
Всем силам бесплотным...
Там пламя на весь белый свет,
На пол-окоема.
Там счастью прощения нет.
Там гонят из дома

Разрывы, раздоры, пожар,
Кровавым штандартом встающий,
Сражения пьяный угар,
Кострища вселенские кущи!
И на пепелище, один,
В гудящее злато стреляя,
Кто – Бог? человек? господин?..
Любови личинка слепая?.. –
Средь ужаса угольных гор,
Хвостов этих огненных, лисьих... –
Сгораешь, взойдя на костер
Войны, и безумья, и жизни!
А Рим полыхает вокруг.
Воплю, так ору заполошно:
Держись, ты живой еще, друг!..
Жить – яростно!.. выжить – возможно!..
Любить – непреложно!.. пускай
Исходят лукавством и злобой,
Кто мир наш, потерянный Рай,
Пнул в лодку дощатую гроба!
Иконы и книги поджег,
Могилы, и детские косы,
И яркий брусничный пирог,
И памяти рвы и торосы!

Ах, Рим мой, ты мир мой, моя
Провинция, пашня, столица,
В дымах и прибое жнивья
Горящая горем граница!
Гробница, клеймо ты мое.
На коже?!.. – на сердце ожоги.
Пылает и рвется белье –
Бураном у нищей дороги.
Да, красная эта метель –
Гудит, обнимая руины!
Да, огненной шкурой – постель,
И лава клокочет перины!
И красный истерзанный флаг –
Лоскутным, в крови, одеялом
Над полымем римских атак
Взвивается – Фениксом алым!
Да, села горят! Города!
Огонь пожирает без меры –
Что будет; что было тогда...
...а легионеры
Ступают, идут тяжело,
И падают, и умирают,
И слез ледяное стекло
Ладонью – тверда как весло –
В ревущем огне
утирают.
Старик, обними, сизый дым.
Согни раскаленной подковой.

Горю я. Пылаю.

Я – Рим.

Нет места живого.

До жил, потрохов, черных дыр –

Воскресни, прощенный! –

Сжигают. Сжирают!

Я – Мир,

Огнем окрещенный.

Возвращение

Все, что было, пусть исчезнет, как слепящий снеговой.

Я стою в конце дороги среди Родины моей.

Путь окончен мой железный. Радость дивно велика –

Та, что рот мне зажимает комом снятого платка.

Отзвенят вагонов звоны. Отгорчит грузинский чай.

На разъездах енисейских отворчит собачий лай.

Всю на станциях заштатных бабы снедь распродадут...

А в вареную картошку черемшу они кладут!..

Выхожу я из вагона. Дым курится в вышине.

Вы, попутчики, – бессонно вспомните обо мне!

Дорогие, золотые, – то в картишки, то молчком,

То признания ночные торопливым шепотком...

Долго ехала я с вами. Обжигаясь, чай пила –

Горькое глотала пламя, плача, на краю стола.

Перестук колес, и тряско, станции держу свечу...

Мой народ, тебе за ласку – страшной болью заплачу!

Прохожу перроном. Люди веселятся, слезы льют.

На вокзальном дымном блюде сон дорожный – пять минут.

Прохожу вокзал навылет. Мощную толкаю дверь.

Не идущий – не осилит ни дороги, ни потерь!

А на площади широкой – все товары на лотках –

Лица в кепках пропыленных, лица в расписных платках,

Лица, словно снег холодный, в жизнь летящие мою –

Поименно, принародно вас, любимых, узнаю!

Я стою на Комсомольской, весь пройдя в короткий срок

Путь, которым эшелоны шли на Запад и Восток.

И, от счастья прозревая, от рыданья став слепой,

Я лицом одним сливаюсь с беспредельною толпой.